

Система высшего образования в реализации потенциала экономики: структурные диспропорции в России

Андрианова Юлия Олеговна

Ассистент,

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация

E-mail: yoandrianova@fa.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

высшее образование, потенциал экономики, структурные диспропорции, инновационное развитие, рабочая сила, технологический суверенитет, рынок труда

АННОТАЦИЯ.

В контексте перехода к экономике знаний высшее образование становится ключевым фактором реализации потенциала экономики. Однако в России сохраняется противоречие между высоким процентом населения с дипломами вузов и относительно низкими позициями в международных инновационных рейтингах, что указывает на наличие структурных дисбалансов. Целью исследования является анализ роли высшего образования в экономическом развитии России и выявление системных диспропорций. Для ее достижения решались задачи по оценке соответствия подготовки кадров запросам рынка труда и сравнительному анализу показателей России и стран-лидеров. Методология включает теоретический анализ концепций экономического потенциала, сравнительный анализ позиций в Глобальном инновационном индексе (2017–2024 гг.) и рейтингах университетов Times Higher Education и QS World University Rankings (2024–2025 гг.), а также статистический анализ данных Росстата и Организации экономического сотрудничества и развития о безработице и государственных расходах на образование. Результаты демонстрируют, что основная проблема заключается в низком качестве рабочей силы и слабой связи вузов с реальным сектором. Дефицит кадров наиболее остро сказывается на конкурентоспособных предприятиях, становясь макроэкономическим ограничением. Выявлено значительное отставание России по финансированию студентов и коммерциализации разработок. В качестве решения предложена модель тетрады «государство – производство – наука – образование» и конкретные механизмы ее реализации: сквозные технологические программы, сетевое обучение и инжиниринговые центры при университетах. Выводы могут быть использованы органами власти для формирования образовательной и инновационной политики, а также вузами и бизнесом для реализации партнерства. Ограничение работы – фокус на макроуровне, что определяет перспективу будущих исследований на отраслевом и региональном уровнях для оценки эффективности предложенных мер.

JEL codes: I23, O15, O38, O31

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-11-99-113>

Для цитирования: Андрианова, Ю.О. Система высшего образования в реализации потенциала экономики: структурные диспропорции в России / Ю.О. Андрианова. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2025. – №11. – С.99-113. – URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.11.2025)

Введение

В экономической науке категория «потенциал» (от лат. «potential» - сила) традиционно рассматривается через призму диалектики ресурсов и возможностей их трансформации в детерминанты развития экономики. Как подчеркивает академик Л.И. Абалкин, потенциал представляет собой характеристику ресурсов, привязанную к месту и времени [1]. При этом его реализация зависит от ряда объективных факторов, таких как природные ресурсы, средства производства, трудовой и научно-технический потенциал, а также объем накопленного капитала. Среди перечисленных факторов особое значение имеет трудовой потенциал, поскольку именно труд,

как основа создания материальных и духовных благ, обеспечивает устойчивое развитие экономики. Трудовой потенциал, согласно Большому экономическому словарю, включает текущие и будущие трудовые ресурсы, их численность, профессионально-образовательный уровень и другие качества [3].

Следует отметить, что в советский период категория «трудовые ресурсы» являлась ключевой для оценки потенциала экономики страны [15]. Однако после перехода российской статистики труда на международные стандарты в 2015 году категория «трудовые ресурсы» была заменена на «рабочую силу» [16]. В результате в рамках новой методологии перестали учитываться потенциальные трудовые кадры, такие как лица, обучающиеся в системе образования, что, по мнению автора, является методологически необоснованным сужением. В условиях экономики, основанной на знаниях, подобное сужение методологической рамки лишает стратегическое планирование ключевого ориентира – данных о будущем предложении квалифицированных специалистов. Этот факт обуславливает особую важность исследования роли системы высшего образования, поскольку именно она обеспечивает воспроизводство квалифицированных кадров, формируя не только текущий профессионально-образовательный уровень рабочей силы, но и закладывая основы для будущего технологического и социально-экономического развития.

На рисунке 1 представлена схема влияния системы высшего образования на потенциал экономики. Система высшего образования связывает четыре ключевых субъекта: студентов, ВУЗы, работодателей и государство. Эти элементы взаимодействуют между собой, формируя трудовой потенциал, который, в свою очередь, определяет потенциал экономики. Схема подчеркивает системный характер взаимосвязей, демонстрируя, как система высшего образования служит фактором развития экономического потенциала – прежде всего через подготовку квалифицированных кадров и оперативное реагирование на запросы рынка труда. Вместе с тем, важно учитывать, что эти процессы носят двусторонний характер: если система высшего образования формирует основу для развития экономики, то и сам потенциал активно влияет на трансформацию образовательной системы. Таким образом, возникает устойчивый цикл взаимозависимого развития, где каждый элемент непрерывно адаптируется под изменяющиеся социально-экономические условия.

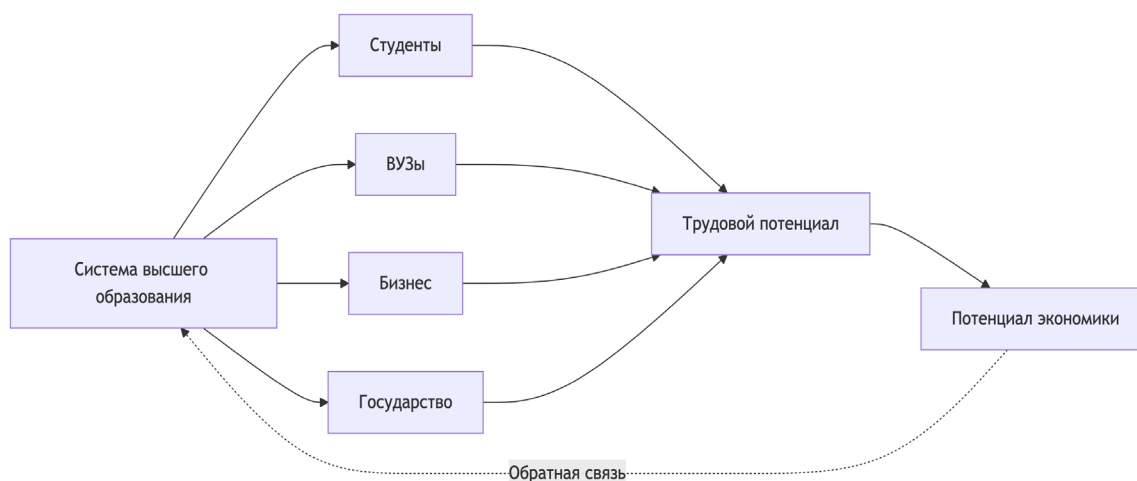

Рисунок 1 – Влияние системы высшего образования на потенциал экономики

Источник: составлено автором.

В данном контексте особую значимость приобретает концепция трехсекторной модели экономики А. Фишера [27], которая не только объясняет закономерности трансформации структуры занятости по мере развития экономики, но и объективно усиливает роль системы высшего образования в реализации потенциала экономики. Наблюдаемый переход рабочей силы из первичного (добывающие отрасли) и вторичного (обрабатывающая промышленность) секторов

в третичный (сфера услуг) требует постоянного воспроизводства квалифицированных кадров, что актуализирует значение системы высшего образования как фактора развития потенциала экономики.

Также в контексте системообразующей роли высшего образования в современной экономике представляется методологически обоснованным апеллировать к научным выводам британского исследователя К. Кларка. В своих трудах он доказывает, что наличие квалифицированной рабочей силы создает необходимые предпосылки для эффективной технологической модернизации, генерации и внедрению инновационных решений, что в совокупности выступает катализатором устойчивого экономического роста [25].

Подтверждением значимости квалификации рабочей силы служат и выводы британского экономиста Дж. Харвея, подчёркивающего необходимость учёта технологических знаний и профессиональных навыков кадров наряду с такими традиционными элементами производства, как природные ресурсы, капитал, политическая стабильность и инвестиции. Именно совокупность всех указанных факторов определяет степень успешности национальной экономики и перспективы ее дальнейшего развития [23].

Более того, российские исследователи рассматривают систему высшего образования как ключевой геополитический фактор стратегического характера, прямо связанный с вопросами безопасности и устойчивого существования народов и цивилизации в целом. Действительно, этот тезис находит свое подтверждение в специфике российского контекста: с одной стороны, страна располагает значительным научно-техническим заделом и высокотехнологичными отраслями, базирующимися на результатах многолетних фундаментальных исследований. Тем не менее, полная реализация существующего научного потенциала невозможна без эффективного государственного регулирования, направленного на формирование механизмов интеграции научных разработок между бизнесом, наукой и системой высшего образования, что создаст необходимые предпосылки для интенсификации социально-экономического развития страны.

Параллельно указанные противоречия отчетливо проявляются в структуре рынка труда современной России. Несмотря на достижение исторического минимума уровня официальной безработицы, сохраняется ряд серьезных структурных деформаций. Как отметила председатель Банка России Э.С. Набиуллина, среди ключевых факторов, сдерживающих развитие национальной экономики, особо выделяются дефицит квалифицированной рабочей силы и ограниченный доступ к современным технологиям [4].

Методы

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специальных методов:

Сравнительный анализ – для сопоставления показателей России и стран-лидеров по данным международных рейтингов: Глобального инновационного индекса (GII) за 2017–2024 гг., рейтингов университетов Times Higher Education (THE) и QS World University Rankings (QS) за 2024–2025 гг.

Статистический анализ – для обработки данных Росстата об уровне безработицы (2023–2024 гг.) и данных ОЭСР о государственных расходах на высшее образование.

Графическая визуализация – для наглядного представления динамики исследуемых показателей и структурных диспропорций.

Моделирование – для разработки авторской тетрады взаимодействия «государство – производство – наука – образование» как инструмента преодоления выявленных системных разрывов.

Результаты

Результаты репрезентативного исследования российских промышленных предприятий позволяют вскрыть ключевую особенность данной проблемы: дефицит в наибольшей степени затрагивает не неэффективные, а, напротив, наиболее конкурентоспособные и растущие фирмы [6]. Эконометрический анализ показал, что с нехваткой квалифицированных рабочих значимо чаще

сталкиваются предприятия, осуществившие регулярные крупные инвестиции, а также компании, активно включенные в международные цепочки создания стоимости через импорт и экспорт [6]. Таким образом, данный вызов приобретает характер макроэкономического структурного ограничения, а не является следствием низкой конкурентоспособности отдельных хозяйствующих субъектов. Указанная диспропорция становится особенно заметной на фоне парадоксального сочетания минимального уровня безработицы с острой нехваткой рабочей силы (Таблица 1). Сложившаяся ситуация свидетельствует о глубоком структурном несоответствии между квалификационным профилем выпускников образовательных учреждений и реальными потребностями конкурентоспособного сектора экономики. Это актуализирует вопрос о необходимости пересмотра роли системы высшего образования, которая в текущем виде не успевает адаптироваться к запросам динамично развивающихся, технологичных и ориентированных на глобальные рынки предприятий.

Таблица 1 – Динамика основных показателей рынка труда России, 2023-2025 гг.

Период	Рабочая сила, млн человек	Уровень безработицы, %
2023 г.		
I квартал (в среднем за месяц)	75,6	3,5
II квартал (в среднем за месяц)	75,8	3,2
III квартал (в среднем за месяц)	76,4	3,0
IV квартал (в среднем за месяц)	76,4	2,9
Год (в среднем за месяц)	76,0	3,2
2024 г.		
I квартал (в среднем за месяц)	75,5	2,8
II квартал (в среднем за месяц)	76,1	2,6
III квартал (в среднем за месяц)	76,3	2,4
IV квартал (в среднем за месяц)	76,4	2,3
Год (в среднем за месяц)	76,1	2,5
2025 г.		
I квартал (в среднем за месяц)	75,5	2,3
II квартал (в среднем за месяц)	76,1	2,2
III квартал (в среднем за месяц)	76,5	2,1

Источник: Составлено автором в соответствии с источником [9].

Данная проблема не является новым вызовом: еще в 2000-х годах академик А.С. Запесоцкий отметил: «геополитический потенциал образования не только не используется в полной мере, но и не осмысливается в соответствии с масштабом проблем. Да и политика государства в данной области свидетельствует о том, что власть не понимает подлинной роли образования, не осознает, что без человека, его образованности, интеллекта экономическое благополучие общества невозможно (да и бессмысленно)» [11]. Однако в условиях глобальных технологических сдвигов и структурных изменений в экономике роль системы высшего образования претерпевает все большие трансформации. В частности, разрабатывается национальный проект «Кадры», запуск которого запланирован на 2025 год. Планируется, что национальный проект будет состоять из четырех федеральных проектов, которые направлены на: 1) эффективное трудоустройство выпускников; 2) трансформацию подхода к профессиональному развитию работающих граждан; 3) введение эффективных систем охраны труда; 4) вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность. Кроме того, составной частью проекта будет прогноз кадровой потребности экономики на пятилетнюю перспективу, что будет являться основой формирования задач для системы высшего образования страны.

Особую значимость этим мерам придает и тот факт, что в сложившихся социально-экономических условиях экстенсивный экономический рост становится невозможным, что актуализирует проблему повышения производительности труда. Однако, как свидетельствуют данные Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, существующая система высшего образования не в полной мере готова эффективно отвечать на вызовы, стоящие перед российской экономикой [22].

В этом контексте особый интерес представляет мировой опыт, который показывает, что университеты становятся опорой технологического и инновационного развития государств [9]. Так, правительства США, стран Европы, Азиатского региона и Латинской Америки выделяют значительные средства университетам с целью создания на их основе двигателей экономического развития через рост их взаимодействия с бизнесом. Примером такой модели служит Массачусетский технологический институт: его выпускниками основано 33,6 тыс. компаний (76% из которых успешно функционируют), создающих 3,3 млн рабочих мест и совокупные доходы, сопоставимые с 11-й экономикой мира; при этом институт ежегодно инвестирует около 650 млн долл. в исследования, регистрирует свыше 300 патентов и получает 70 – 90 млн долл. от лицензионной деятельности [14].

Данный пример наглядно демонстрирует, что современные университеты трансформируются в фактор реализации потенциала экономики, что закономерно актуализирует вопрос об оценке роли системы высшего образования в процессе формирования национальной конкурентоспособности. Эта взаимосвязь находит подтверждение в результатах авторитетных международных исследований и рейтингов. Среди наиболее репрезентативных исследований следует выделить:

1) Доклад о глобальной конкурентоспособности («Global Competitiveness Report») Всемирного экономического форума, который основан на анализе двенадцати ключевых принципов конкурентоспособности, среди которых высшее образование относится к факторам усиления эффективности («Efficiency Enhancers») конкурентоспособности экономики, что подчеркивает его прямое влияние на производственные процессы и качество продукции в экономике.

2) Глобальный индекс устойчивой конкурентоспособности («The Global Sustainable Competitiveness Index»), формируемый на основании количественных показателей, предоставляемых международными организациями, включая Всемирный банк, Международный валютный фонд и структуры Организации Объединенных Наций, учитывает оценку уровня образования в рамках категории «Интеллектуальный капитал и инновации» («Intellectual Capital & Innovation»). Данный показатель интегрируется вместе с пятью иными комплексными показателями: экономическая устойчивость, качество государственного управления, природоохранный капитал, ресурсоэффективность и социальный капитал.

3) Рейтинг стран мира по уровню глобальной конкурентоспособности (IMD World Competitiveness Ranking), проводимый Международным институтом развития менеджмента, высшее образование включает в состав инфраструктурных факторов наряду с технологической и научной инфраструктурой, формируя одну из четырех базовых групп показателей (экономические показатели, эффективность государственного управления, эффективность бизнеса и инфраструктура).

4) Глобальный инновационный индекс (Global Innovation Index), публикуемый Всемирной организацией интеллектуальной собственности, основывается на анализе совокупности семи ключевых компонентных блоков. Высшее образование представлено в качестве существенного субкомпонента группы «Человеческий капитал и исследовательская активность».

Приведенные исследования и рейтинги убедительно демонстрируют ключевую роль высшего образования в формировании глобальной конкурентоспособности и инновационного потенциала экономик. Интеграция образования в такие комплексные показатели, как «Интеллектуальный капитал» или «Инфраструктурные факторы», подчеркивает его системное влияние на устойчивое развитие и эффективность производства. Особенно показательно, что все рассмотренные рейтинги, несмотря на различия в методологии, выделяют образование как драйвер экономической

трансформации и роста.

В условиях современных вызовов, связанных с цифровой трансформацией и необходимостью обеспечения технологического суверенитета, особую актуальность приобретает исследование вклада университетов в инновационное развитие экономики. В этом контексте важным инструментом, позволяющим количественно оценить уровень инновационного развития стран и их потенциал, выступает Глобальный инновационный индекс (далее – ГИИ), который представляет из себя ежегодно обновляемый аналитический инструмент и позволяет: 1) объективно оценивать качество функционирования инновационных экосистем различных стран мира; 2) анализировать перспективы роста национальных экономик через призму инновационного развития; 3) проводить сравнительные исследования между странами с разным уровнем доходов населения.

Следует отметить, что Российская Федерация в соответствии с классификацией Всемирного банка до 2024 года была включена в группу стран с уровнем дохода населения выше среднего, что демонстрирует характерные для данной категории показатели инновационного развития. Примечательно, что единственным представителем этой группы, вошедшим в топ-30 ГИИ, является Китайская Народная Республика, что свидетельствует о значительном потенциале для развития национальной экономики. Динамика позиций России в рейтинге ГИИ подробно представлена в Таблице 2.

Таблица 2 – Динамика позиций Российской Федерации в Глобальном инновационном индексе (ГИИ) и его субиндексах, 2017–2024 гг.

	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Глобальный инновационный индекс	45	46	46	47	45	47	51	59
Ресурсы инноваций	43	43	41	42	43	46	58	76
Результаты инноваций	51	56	59	58	52	50	53	56
Количество стран-участниц	127	126	129	131	132	132	132	133

Источник: составлено автором в соответствии с источником [27].

Таблица иллюстрирует изменения позиции России в международном рейтинге ГИИ за период с 2017 по 2024 гг., демонстрируя существенные колебания в динамике всех трех рассматриваемых показателей: общий индекс, ресурсы и результаты инноваций. Как видно из Рисунка 2, Россия демонстрирует относительно высокие результаты в категориях, связанных с человеческим капиталом и научными исследованиями, одновременно существенно уступая мировым лидерам инновационного развития – Швейцарии (традиционно занимающей верхние позиции в рейтинге) и Китая (единственной страны с уровнем доходов выше среднего, входящей в ТОП-30 ГИИ) – в показателях развития технологий и экономики знаний.

Выявленная диспропорция свидетельствует о наличии структурных ограничений: накопленный трудовой потенциал не получает адекватного воплощения в конкурентоспособных технологических решениях и коммерчески успешных инновациях. Одной из причин, вероятно, являются разрыв между научными разработками, осуществляемыми университетами и их коммерциализацией, вызванный слабой координацией между государством – производством – наукой – образованием.

Усугубляет данную проблему существующая структура общественного производства. Следует отметить, что проведенные в 1990-е годы либеральные реформы привели к значительным структурным диспропорциям в экономике России. В частности, наблюдался гипертрофированный рост финансового сектора, что привело к дисбалансу в распределении капитала в пользу финансового сектора в ущерб реальному [5]. За три десятилетия постсоветских реформ экономический рост России оказался существенно ниже среднемировых показателей: по данным статистики, прирост ВВП страны составил лишь 20–25% относительно базового уровня 1990 года, тогда как мировой ВВП за тот же период увеличился почти втрое (примерно на 280%).

Рисунок 2 – Ключевые показатели индекса глобальной инновационной активности России, Китая и Швейцарии на 2024 г.

Источник: составлено автором в соответствии с источником [27].

Данные макроэкономические тенденции нашли отражение в динамике реального сектора экономики. В частности, проведённый российскими исследователями анализ динамики промышленного производства в постсоветский период, выявил устойчивую отраслевую диспропорцию. Согласно их расчётам, обрабатывающее производство смогло выйти на уровень 1992 года только к 2016 году, тогда как добыча полезных ископаемых за этот период выросла на 131%. При этом производство электроэнергии, газа и воды так и не восстановило докризисные объёмы, оставшись на 8,3% ниже показателей 1992 года. Наиболее существенный спад наблюдается в технологически сложных отраслях: производство машиностроительной продукции в натуральном выражении не достигло советского уровня, а лёгкая промышленность, не восстановив докризисный уровень, сократилась к 2016 году до 32% от показателей 1992 года. Это падение, сопровождавшееся деградацией отраслей с высокой добавленной стоимостью, отражает процесс структурной примитивизации промышленного сектора российской экономики [19, 24].

При этом Россия обладает одним из крупнейших в мире запасов природных ресурсов, что создаёт значительный потенциал для экономического развития. Однако наблюдается явное противоречие между этим ресурсным потенциалом и низкой позицией страны в Глобальном инновационном индексе (далее - ГИИ), что свидетельствует о системных ограничениях в реализации имеющихся возможностей.

Для более глубокого понимания этих структурных проблем представляется методологически обоснованным применение сравнительного анализа. Следующая таблица наглядно демонстрирует сравнительную динамику изменений ключевых показателей системы высшего образования и инновационного развития ряда государств, участвующих в международной оценке ГИИ.

Как показал сравнительный анализ, во-первых, высокая доля населения с высшим образованием сама по себе не гарантирует успешное положение страны в ГИИ. Так, например, Канада и Россия, обладая достаточным числом выпускников высших учебных заведений для реализации своих потребностей, не входят в число лидеров по этому показателю. Следовательно, не следует ограничиваться количеством дипломированных специалистов, но необходимо учитывать их качество и взаимодействие с реальным сектором экономики. Как отмечено в исследовательской

работе для Центра экономического анализа Норвегии, традиционные методы измерения образовательного уровня посредством исчисления формальных показателей (количество дипломов, лет обучения) не отражают в полной мере его реальный вклад в развитие экономики [29]. В этой связи особую значимость приобретает анализ содержательных аспектов образовательного процесса, включая формирование практико-ориентированных компетенций и профессиональных навыков, непосредственно востребованных в современных экономических реалиях.

Таблица 3 - Сравнительные показатели системы высшего образования и инновационного развития стран в рейтинге ГИИ

Место в рейтинге ГИИ 2024 г.	Страна	% населения с высшим образованием	Государственные расходы на одного студента, в \$ по ППС	Позиция ведущего вуза в рейтинге THE за 2025 г.	Позиция ведущего вуза в рейтинге QS за 2024 г.
1	Швейцария	45,3	***	11	7
2	Швеция	44,6	26 147,3	49	73
3	США	50,1	34 035,5	2	1
9	Германия	31,3	19 323,7	26	37
13	Япония	25,54	19 309,2	28	28
14	Канада	60	24 495,8	21	21
15	Израиль	50,1	12 297,4	201-250	215
18	Китай	9,7	***	12	17
20	Люксембург	51,3	47 693,8	201-250	182
39	Индия	12,4	***	201-250	149
59	Россия	56,7	9 024,1	107	87

***данные отсутствуют

Источник: составлено автором в соответствии с источниками [25, 29].

Во-вторых, в рамках сравнительного анализа выявляется существенная дифференциация в объеме финансового обеспечения систем высшего образования на международном уровне. Как свидетельствуют данные ОЭСР за 2021 год, уровень расходов на одного обучающегося в Соединенных Штатах достигает 34 тыс. долл. США (в пересчете по паритету покупательной способности), тогда как аналогичный показатель для Российской Федерации не превышает 9,2 тыс. долл. США. Указанная диспропорция, превышающая 3,7-кратное значение, оказывает детерминирующее влияние на конкурентные позиции национальных университетов.

В-третьих, лидирующие университеты Соединенных Штатов Америки и Швейцарии стабильно занимают верхние строчки авторитетных международных рейтингов университетов, что свидетельствует о высоком уровне качества академической среды и значительных возможностях разработки новых технологий. Однако российская система высшего образования, несмотря на относительно высокую долю населения с высшим профессиональным образованием, демонстрирует существенное отставание по показателям научных разработок.

Данное противоречие приобретает особую актуальность в свете новых стратегических ориентиров национального развития. Как следует из постановления Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 26 апреля 2023 года № 144-СФ «О развитии промышленности и об обеспечении технологического суверенитета Российской Федерации» национальная экономика современной России встала на путь достижения технологического суверенитета. Учитывая сложность и многоаспектность этого процесса, очевидно, что его осуществление требует комплексного подхода, охватывающего полный цикл преобразований, начиная с разработки стратегии и заканчивая внедрением новых моделей управления и производства.

Особый интерес представляет анализ взаимосвязи между развитием высшего образования и внедрением инновационных технологий, что наглядно демонстрирует динамика соответствующих показателей в России. График, представленный ниже, иллюстрирует изменения в структуре занятости населения с высшим образованием и количество созданных передовых производственных технологий с 1975 по 2023 год.

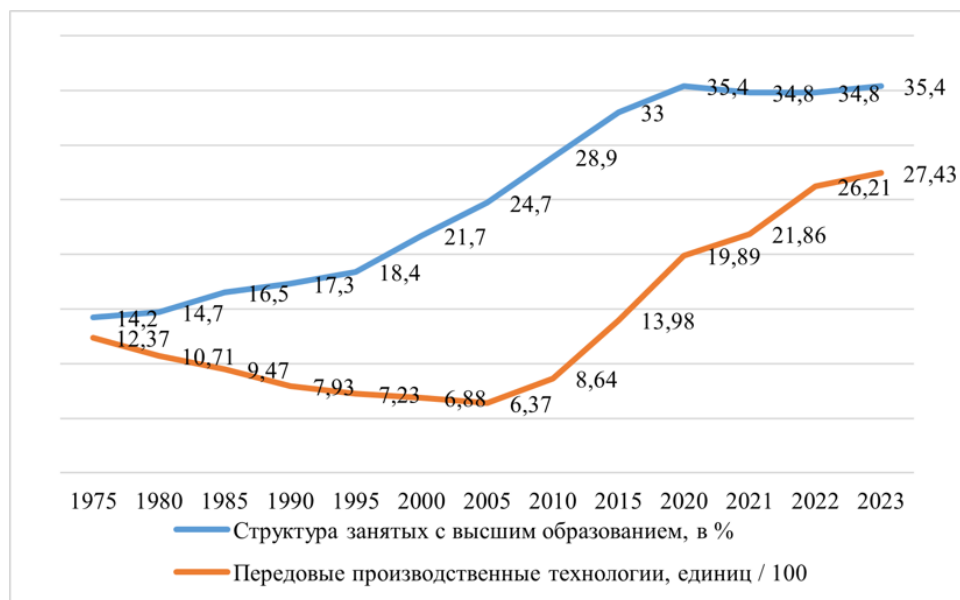

Рисунок 3 – Взаимосвязь динамики разработки передовых производственных технологий и роста доли рабочей силы с высшим образованием в России, 1975–2023 гг.

Источник: составлено автором в соответствии с источником [17].

Как показано на рисунке 3, рост доли работников с высшим образованием в период 2010–2023 гг. совпал с переходом к шестому технологическому укладу и увеличением инновационной активности, что согласуется с моделью Нельсона-Фелпса (1966): образование сокращает лаг внедрения технологий. Однако после 2021 г. темпы роста инноваций замедлились, несмотря на продолжающийся рост образованности рабочей силы. Причина заключается в низкой степени интеграции высших учебных заведений с предприятиями реального сектора экономики. Низкий уровень качества образовательных программ, их отставание от требований производства приводят к тому, что выпускники, завершив обучение длительностью четыре-шесть лет, оказываются невостребованными на рынке труда. Их компетенции не отвечают задачам, стоящим перед производством, а сами специалисты неспособны быстро устранить имеющиеся пробелы в знаниях, навыках и умениях. Несмотря на то, что Россия, согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), входит в число стран с одними из наиболее высоких абсолютных показателей численности населения, обладающего высшим образованием, существуют серьезные проблемы, связанные с качеством полученного образования и недостаточной адаптацией выпускников к требованиям реального сектора экономики [13, 17]. Эти системные недостатки образовательной системы усугубляются комплексом структурных проблем экономического развития, среди которых можно выделить: «приоритет развития сырьевого сектора, не сопряженному с развитием отраслей обрабатывающей промышленности, в первую очередь наукоемких; ориентацию на краткосрочные цели; нарушение преемственности научных и технических знаний; чрезмерное сокращение оборонно-промышленного комплекса, в котором сосредоточены высокие российские технологии» [12]. В результате этих процессов структура общественного производства претерпела значительные изменения: из высокотехнологичной и диверсифицированной системы она трансформировалась в модель с доминированием сырьевого сектора, снижением доли наукоемких отраслей и разрывом между образованием, наукой и реальным сектором экономики.

В противовес этой тенденции, именно система высшего образования обладает потенциалом для создания принципиально новых точек экономического роста, поскольку позволяет людям использовать полученные знания для научных и технологических открытий, закладывающих основу новых отраслей экономики [2]. Однако для реализации этого потенциала необходимо преодолеть существующий разрыв и создать условия, при которых знания, генерируемые в университетах, будут напрямую воплощаться в конкурентоспособные технологии и продукты.

Масштаб структурных диспропорций и их влияние на общее состояние российского общества становятся особенно очевидны в условиях значительных изменений экономической парадигмы. Об этом свидетельствуют выводы известного американского экономиста Дж. Стиглица, который в своей работе акцентирует внимание на противоречивых аспектах социально-экономической трансформации современной России. По мнению автора, страна превратилась из мощного индустриального лидера, впервые отправившего спутник на околоземную орбиту, в экспортера преимущественно природных ресурсов, главным образом нефти и газа, составляющих значительную долю общего объема экспорта. Таким образом, в России сформировалось комплексное противоречие, сочетающее глубокий экономический спад с резким усилением социального неравенства [20].

Действительно, согласно Государственному докладу «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2022 году», российская минерально-сырьевая основа выступает важнейшей опорой экономики страны и обеспечивает национальную безопасность, однако подобная зависимость создает серьезные структурные проблемы и ограничивает возможности диверсификации национальной экономики [8]. В связи с этим особое значение приобретает скорость и масштаб внедрения технологических инноваций в разные отрасли экономики, что подчеркивается отечественными экспертами и признается ключевым фактором повышения конкурентоспособности государства [21]. Поскольку технологические инновации зависят от наличия квалифицированных кадров и научно-исследовательских центров, одно из приоритетных направлений укрепления экономики – развитие системы высшего образования. Именно она является основным источником новых идей и инновационных решений, способствующих эффективной модернизации производства. Следовательно, повышение уровня квалификации трудовых ресурсов посредством качественного высшего образования приобретает первостепенное значение для долгосрочной стабилизации и динамичного развития экономики страны.

Обсуждение

Выявленное противоречие между высокой долей населения с высшим образованием и относительно низкими показателями научно-технологического развития может быть интерпретировано через призму диалектики базиса и надстройки. Сложившаяся в постсоветский период сырьевая модель экономики (базис) сформировала систему социально-экономических отношений, при которых система высшего образования (надстройка) воспроизводила кадры, востребованные преимущественно в сферах управления и услуг, а не в высокотехнологичных отраслях. В условиях перехода к новой парадигме технологического суверенитета (трансформация базиса) возникает объективная необходимость реформирования системы высшего образования (надстройки) с целью обеспечения их соответствия стратегическим задачам развития экономики.

Несомненно, что процесс перенастройки национальной экономики необходимо осуществлять в соответствии с тетрадой, разработанной К.Б. Клейнером «производство – культура – образование – наука», где: производство создает спрос на высококвалифицированные кадры; культура формирует культурные коды, под которыми следует понимать «систему представлений, образов и стереотипов сознания и поведения, которая носит неиерархический исторический характер, отражает национальные ценности, а также служит основой национальной идентичности» [7], транслирующие ценностные ориентиры для технологического развития; а наука обеспечивает генерацию знаний.

Однако в отличие от подхода Г.Б. Клейнера предлагается включение государства в структуру тетрады вместо элемента культуры. Тетрада «государство – производство – наука – образование»

в современных условиях может способствовать более полной реализации потенциала экономики. Подобное изменение обосновано наличием у государства инструментов стратегического управления и возможностей для системной организации взаимодействия между производственной, научной и образовательной сферами. В данном контексте нельзя недооценивать роль системы высшего образования, которая выступает в качестве фактора реализации потенциала экономики.

Предложенная концептуальная модель тетрады «государство – производство – наука – образование», нацеленная на преодоление системных разрывов, требует детализации механизмов ее практической реализации. Внедрение данной модели представляется возможным через систему взаимосвязанных мер, в рамках которой каждый элемент тетрады выполняет строго определенную функцию, а их кооперация обеспечивается целевыми инструментами государственного регулирования.

Конкретные механизмы и форматы кооперации включают следующие направления.

1. Меры со стороны государства:

а) Разработка и финансирование сквозных технологических программ. Государство может выступать в роли заказчика прикладных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) по приоритетным направлениям обеспечения технологического суверенитета (например, микроэлектроника, фармацевтика, новые материалы). Обязательным условием таких программ должно стать формирование консорциумов, включающих вуз, научно-исследовательский институт и промышленное предприятие.

б) Введение целевых налоговых льгот для субъектов предпринимательской деятельности, ориентированных на софинансирование образовательных программ, организацию стажировок студентов и аспирантов, а также на передачу оборудования для исследовательских лабораторий университетов.

в) Создание государственной платформы прогнозирования кадровых и технологических потребностей, результаты которой подлежат обязательному учету при актуализации федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) и определении контрольных цифр приема в образовательные организации высшего образования.

2. Меры на уровне интеграции «производство – образование – наука»:

д) Развитие сетевых форм реализации образовательных программ с участием ведущих промышленных компаний. Речь идет не только о создании «базовых кафедр» на предприятиях, но и о разработке совместных магистерских программ, в рамках которых дисциплины по специальным технологиям преподаются ведущими инженерами, а выпускные квалификационные работы представляют собой проекты, направленные на решение актуальных производственных задач.

е) Стимулирование создания на базе университетов инжиниринговых центров и стартап-студий. Деятельность таких структур, осуществляемая по заказам промышленности, становится точкой конвергенции для внедрения научных разработок и практической подготовки студентов. Их функционирование может частично субсидироваться государством в рамках программ регионального развития.

ф) Внедрение модели «прикладной аспирантуры», при которой аспирант проводит исследование, непосредственно связанное с технологической проблематикой конкретного предприятия, а научное руководство осуществляется как представителем вуза, так и технологическим лидером компании-партнера.

Таким образом, реализация модели тетрады представляет собой не декларацию, а запуск конкретных институтов и финансовых механизмов, трансформирующих разрозненные элементы в единую инновационно-производственную цепь. Подобный комплексный подход позволяет реконфигурировать систему высшего образования, превращая ее из пассивного поставщика кадров в активный фактор реализации экономического потенциала, что обеспечивает переход от сырьевой модели экономики к экономике, основанной на знаниях.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило ключевую роль системы высшего образования в реализации потенциала национальной экономики. Однако в российских условиях эта роль не реализуется в полной мере из-за структурных диспропорций, слабой интеграции между образованием, наукой и производством, а также недостаточного внимания к качественным аспектам подготовки кадров.

Для перехода к модели опережающего развития, отвечающей вызовам технологического суверенитета, необходима целенаправленная трансформация системы высшего образования. Эта трансформация должна включать не только увеличение финансирования, но и пересмотр содержания образовательных программ в сторону их практико-ориентированности, создание гибких механизмов кооперации вузов с промышленными предприятиями и научными центрами. Предложенная модель тетрады «государство – производство – наука – образование» может служить концептуальной основой для формирования такой интегрированной системы, способной обеспечить реализацию национального экономического потенциала в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалкин, Л. И. Избранные труды: в 4 т. Т. 1 / Л. И. Абалкин; Вольное экон. о-во России; сост. О.М. Грибанова. – Москва : ОАО «НПО «Экономика», 2000. – С. 58.
2. Аджемоглу, Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные / Д. Аджемоглу, Д. Робинсон; пер. с англ. Д. Литвинова, С. Сановича, П. Миронова. – Москва : АСТ, 2024. – 672 с. – ISBN 978-5-17-122424-0.
3. Борисов, А. Б. Большой экономический словарь / А. Б. Борисов. – Москва : Книжный мир, 2004. – 895 с. – ISBN 5-8041-0049-1.
4. В Центробанке назвали ключевые факторы, тормозящие экономику России // РИАМО. – 2024. – URL: <https://riamo.ru/news/ekonomika/v-tsentrobanke-nazvali-kljuchevye-factory-tormozjaschie-ekonomiku-rossii/> (дата обращения: 15.10.2025).
5. Глазьев, С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев // Экономика. – 2010. – С. 228.
6. Голикова, В.В. Дефицит квалифицированных рабочих в обрабатывающей промышленности: следствие неэффективности фирм или препятствие для роста эффективных? / В.В. Голикова, С.К. Муковнин, А.П. Казун, Н.В. Ершова // Вопросы экономики. – 2025. – № 2. – С. 39–65. – DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-2-39-65>.
7. Горбачева, И.М. Национальные культурные коды в эпоху цифровизации / И.М. Горбачева, О.В. Шангина, С.И. Пудина // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2023. – № 4 (40). – С. 165–176. – DOI: <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-4-165-176>. – EDN: QGFVWM.
8. Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2022 году» // Министерство природных ресурсов и экологии РФ. – URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/ (дата обращения: 02.11.2025).
9. Двенадцать решений для нового образования. – URL: <https://www.hse.ru/twelve/> (дата обращения: 28.10.2025).
10. Доклад социально-экономическое положение России // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 20.10.2025).
11. Запесоцкий, А.С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности / А.С. Запесоцкий // Педагогика. – 2002. – № 2. – С. 3–8.
12. Инновационный менеджмент в России: вопросы стратегического управления и научно-технологической безопасности / Российская академия наук, Центральный экономико-математический институт ; рук. авт. коллектива Макаров В. Л., Варшавский А. Е. - Москва : Наука, 2004. - 879 с. - ISBN 5-02-032880-4.
13. Капелюшников, Р.И. Записка об отечественном человеческом капитале: препринт WP3/2008/01 / Р. И. Капелюшников. – Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 56 с.
14. Кузнецов, Е.Б. «Университеты 4.0»: точки роста экономики знаний в России / Е.Б. Кузнецов, А.А. Энговатова // Инновации. – 2016. – № 5 (211). – С. 3–9.
15. Мурашкина, Л.В. Методологические аспекты использования категорий «трудовые ресурсы» и «рабочая сила» / Л.В. Мурашкина // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2017. – № 1. – С. 37-40.
16. Об утверждении Официальной статистической методологии формирования системы показателей трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы : приказ Федеральной службы государственной статистики от 29 дек. 2015 г. № 663. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420331356> (дата обращения: 28.10.2025).
17. Подвербных, О.Е. Формирование партнерских отношений «наука – производство – образование» в современных условиях: организационно-экономический аспект / О.Е. Подвербных, К.Г. Охоткин, С.Г. Кукушкин, Д.В. Дятлов // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17. – № 8. – С. 2839–

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

2858. – DOI: 10.18334/ce.17.8.118771.

18. Российский статистический ежегодник // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 28.10.2025).

19. Соловьева, С.В. Особенности взаимодействия финансового и реального секторов российской экономики в современных условиях / С.В. Соловьева // Проблемы рыночной экономики. – 2016. – № 1. – С. 39-46.

20. Стиглиц, Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Стиглиц; пер. с англ. Г. Г. Пирогова. – Москва : Мысль : Нац. обществ.-науч. фонд, 2003. – 300 с. – ISBN 5-244-01031-X.

21. Тарко, Д. Два пути устойчивого развития России. – URL: https://www.on-lan.ru/politologiya/dva_puti_ustojchivogo_razvitiya_rossii.php (дата обращения: 28.10.2025).

22. Тетрадь №12. Спецсюжет. Обеспеченность экономики кадрами: о важнейших структурных дисбалансах // ЦМАКП. – URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2024/ТТ12_2024s.pdf (дата обращения: 20.10.2025).

23. Харвей, Дж. Постигаем экономику / Дж. Харвей; пер. с англ. под ред. А.Г. Грязновой. – Москва : Финансы : ЮНИТИ, 1997. – 484 с.

24. Хубиев, К.А. По пути к возрождению / К.А. Хубиев, И.М. Теняков // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 1 (75). – С. 5-23.

25. Clark, C. The Conditions of Economic Progress / C. Clark. – 3rd ed. – London : Macmillan, 1957. – 720 p.

26. Compare your country // OECD. – URL: <https://www.oecd.org/gov/compare-your-country.htm> (дата обращения: 20.10.2025).

27. Fisher, A.G.B. The Clash of Progress and Security / A.G.B. Fisher. – London : Macmillan, 1935.

28. Global Innovation Index 2024 // World Intellectual Property Organization (WIPO). – URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000%20Global%20Innovation%20Index%202024_WEB3lite.pdf (дата обращения: 18.10.2025).

29. Nature, Power, and Growth // SSRN. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=263123 (дата обращения: 20.10.2025).

30. World University Rankings 2025 // Times Higher Education (THE). – URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2025/world-ranking> (дата обращения: 18.10.2025).

The higher education system in realizing economic potential: structural disproportions in Russia

Yulia Olegovna Andrianova

Assistant,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: yoandrianova@fa.ru

KEYWORDS.

higher education, economic potential, structural imbalances, innovation development, labor force, technological sovereignty, labor market

ABSTRACT.

In the context of the transition to a knowledge economy, higher education is becoming a key factor in realizing economic potential. However, Russia faces a contradiction between the high percentage of the population with university degrees and its relatively low positions in international innovation rankings, indicating the presence of structural imbalances. The study aims to analyze the role of higher education in Russia's economic development and identify systemic disparities. To achieve this, the study set out to assess the alignment of graduate training with labor market demands and to conduct a comparative analysis of Russia's indicators with those of leading countries. The methodology includes a theoretical analysis of economic potential concepts, a comparative analysis of positions in the Global Innovation Index (2017–2024) and the Times Higher Education and QS World University Rankings (2024–2025), as well as a statistical analysis of data from Rosstat and the Organisation for Economic Co-operation and Development on unemployment and public expenditure on education. The results demonstrate that the core problem lies in the low quality of the labor force and the weak connection between universities and the real sector of the economy. The personnel shortage most acutely affects competitive enterprises, becoming a macroeconomic constraint. A significant lag of Russia in student funding and the commercialization of research was identified. As a solution, a «state – industry – science – education» tetrad model is proposed, along with specific mechanisms for its implementation: end-to-end technology programs, network-based learning, and university-based engineering centers. The conclusions can be used by government bodies to shape educational and innovation policy, as well as by universities and businesses to implement partnerships. A limitation of the work is its focus on the macro level, which defines the perspective for future research at the sectoral and regional levels to assess the effectiveness of the proposed measures.
